

В стороне Ван Ебо стоял с ошарашенным видом. Разве не его ударили? С чего это Сяо Чжань так кричит?

Рука папа Вана застыла в воздухе, он обеспокоенно спросил: Что с тобой? Неужели у тебя и правда внутренние повреждения?

Мама Ван, до этого щелкавшая семечки, тоже замерла и уставилась на Сяо Чжана с явной тревогой.

Всё нормально, всё хорошо, — Сяо Чжань потёр спину. — Наверное, просто небольшой ушиб, намажу мазью — и пройдет. Ничего страшного.

А, ну ладно, — мама Ван, получив от Сяо Чжана молящий взгляд, мгновенно всё поняла. — Чего ты застыл? Иди намажь человеку спину!

А? — глупо переспросил Ван Ебо. Сяо Чжань ухватил его за руку и кивнул папа Вану: Пап, я попрошу Ебо помочь мне с мазью.

Ты совсем его избаловал, — папа Ван беспомощно покачал головой. В этот момент дверь открылась, и в дом вошёл папа Сяо.

Как только он переступил порог, его тут же окутал густой теплый воздух, и он не сдержался — чихнул.

Ну и погода в этом Пекине, на улице мороз до смерти, а в доме — жарюща, неудивительно, что можно простудиться.

Подняв голову, он увидел Сяо Чжана, собиравшегося подняться наверх, и тут же помахал ему рукой: А-Чжань, хорошо, что ты здесь. Я купил парные надписи, украшения на окна и красные фонари. Мы только что въехали, надо создать уют, устроить новоселье.

Хорошо, я скоро спущусь.

К чему это скоро? Ты... что у тебя с лицом? — Папа Сяо отсутствовал всего день, а вернувшись, увидел сына в таком состоянии, и его лицо мгновенно изменилось. — Это твоя вторая тётя приходила?

Сяо Чжань опешил: При чем тут вторая тётя? Я просто ударился. — Папа Ван замаялся, собираясь объяснить, но папа Сяо, не слушая, ухватил его за рукав: Точно она, да? Черт возьми, я ведь им сказал, что разберемся после праздников, а эта шайка не унимается и до такого тебя довела! Они что, не знают, что ты публичная фигура? Куда смотрели твои помощники и телохранители? С виду крепкие ребята, а на деле оказались хуже Сяо Лу. Как только она ушла, тебя тут же так избили! Нет, говори, где они, я пойду с ними разберусь!

Что? — Сяо Чжань нахмурился. В этот момент из кухни вышла мама Сяо и потянула папу Сяо за рукав: Старый Сяо, ты что за чепуху несешь?

Мам, моя вторая тётя... — начал было Сяо Чжань, но мама Сяо перебила его: Иди мажься. — Затем она повернулась к папе Сяо: Старый Сяо, А-Чжань просто упал, не говори ерунды.

Папа Сяо понял, что проговорился, и поспешно добавил: Ладно, иди наверх, поговорим после ужина.

Сяо Чжань взглянул на Ван Ебо, кивнул и, схватив его за руку, улыбнулся: Пошли, малыш, будем лечиться.

От этой улыбки у Ван Ебо волосы на загривке встали дыбом: М-может, не надо?

Как думаешь? — Сяо Чжань обнял его за талию. — Как раз самое время свести кое-какие счета.

Что это они? — Папа Сяо озадаченно посмотрел на маму Сяо.

Не лезь в дела молодых, скоро ужин, иди лучше составь компанию свату, сыграйте в шахматы.

А, ну хорошо, — папа Сяо перестал заикливаться на этом, заметив неподалеку папа Вана, и с улыбкой сказал: Старый Ван, пойдем, партейку?

А давай! Вчера я проиграл, сегодня обязан разгромить тебя в пух и прах.

Хочешь отыгаться? Не выйдет! — Папа Сяо рассмеялся, и они, обнявшись, направились в кабинет.

Ш-ш, Ван Ебо, больно же! — Сяо Чжань только успел прижать его к двери, как Ван Ебо, контратаковав, впился зубами ему в кадык.

Будешь знать, как издеваться надо мной! — Ван Ебо, покусывая его, повалил Сяо Чжаня на мягкую кровать и, не удовлетворившись этим, ещё сильнее сжал зубы.

И это моя вина? — Сяо Чжань, ероша его мягкие короткие волосы, ответил: Как это называется? Ревность опасна для здоровья, малыш, будь осторожен.

Ты ещё говоришь? — Ван Ебо был в ярости. Мало того, что он опозорился, так ещё и виновник всех бед — Сяо Чжань — теперь над ним насмехается!

Ха-ха-ха, не надо, не щекочи! — Сяо Чжань, обхватив его, начал кататься по кровати. Он всегда боялся щекотки, а Ван Ебо не щадил его. Сяо Чжань, задыхаясь от смеха, взмолился: Малыш, я виноват, ха-ха-ха, не щекочи, ха-ха-ха...

Ш-ш, больно, больно, на этот раз правда! — Сяо Чжань указал на спину. — Малыш, тут правда болит!

Правда? — Ван Ебо замер. В тот момент он был в тумане и не понимал, с какой силой давит. Увидев, что Сяо Чжань искривился от боли, он тут же принялся приподнимать его одежду.

Когда ткань сдвинулась, его глазам предстал ярко-красный отпечаток на коже.

Так сильно? Почему ты раньше не сказал?

На самом деле, терпимо... — Сяо Чжань лежал на животе, и на его белой коже красный след казался особенно ярким.

Прости, — Ван Ебо осторожно прилег на его спину. — Я тогда был немного...

Сяо Чжань развернулся и обнял его, позволяя Ван Ебо прижаться к своей груди, и начал мягко поглаживать его по спине, словно успокаивая ребенка: Это моя вина, малыш. Что мне сделать,

чтобы ты поверил, что здесь — всё бьется лишь от твоего присутствия?

Сентиментально! — Ван Ебо зарылся в его объятия. — Я правда испугался, брат.

Я знаю, я знаю, прости.

Я просто боюсь, что ты меня бросишь...

Ван Ебо! — Сяо Чжань поднял его подбородок, заставляя Ван Ебо смотреть себе в глаза. — Что мне сделать, чтобы ты поверил? — Он смотрел с предельной серьезностью и продолжил: Ван Ебо, я говорил тебе, что ты очень, очень хороший? Настолько, что я чувствую, будто сам тебя не достоин. Почему ты всегда думаешь, что я уйду? Напротив, я считаю, что это я тебя не стою. Клянусь, пока ты сам меня не прогонишь, я никогда, ни за что не сделаю того, за что мне было бы стыдно перед тобой. Поверь мне, хорошо?

Прости. — Это было уже неизвестно какое по счету извинение за день, но кроме этого Ван Ебо не знал, что сказать. Он уткнулся лицом в шею Сяо Чжаня, его голос дрожал: Сяо Чжань, говорил я тебе, что я болен?

Что такое? Где болит? — Сяо Чжань прижимал его к себе, целуя в макушку. — Где болит, поехать в больницу?

Нет, — Ван Ебо спрятал лицо ещё глубже. — Я болен, и теперь это уже стало раком.

Что за глупости?

Правда, — прошептал он. — Я постоянно за тебя волнуюсь, вечно ревную из-за всяких пустяков. Я знаю, что это плохо, но мне неприятно видеть, как ты улыбаешься незнакомцам. И не только улыбаешься — я хочу обладать всем, что принадлежит тебе. Твои радости и печали — всё моё. Иногда по ночам мне снится, как ты внезапно исчезаешь год назад, и если я просыпаюсь и не нахожу тебя рядом, я боюсь, что ты снова...

Прости, прости, я клянусь, что подобное больше никогда не повторится. Если бы он мог вернуться в прошлое, он бы сам себя прибил за то поведение.

Прости, малыш, прости.

Ван Ебо поднял голову: Сяо Чжань, я тебя правда не раздражаю?

Нет. — Сяо Чжань потерся носом о его нос. — Ты никогда меня не будешь раздражать, правда!

М-м, — он издал звук в нос. Сяо Чжань почему-то вспомнил утренние события и не сдержался, прыснул: И всё же, мой малыш так мило ревнует. Одна бутылка уксуса — и столько разнообразных способов её выпить, я правда... Ш-ш.

Скажешь ещё хоть слово, Сяо Чжань, и будешь спать на диване!

Не буду! — Он наклонился и поцеловал Ван Ебо в шею. — Мы так долго не виделись, как ты можешь отправлять меня на диван, где твоя жалость?

Не дури, — Ван Ебо перевернулся и прижал его к кровати. — Я тут слышал, что твой отец говорил про вторую тётю. В чем там дело?

При упоминании этого Сяо Чжань вздохнул: Я сам не до конца знаю детали, но примерно

догадываюсь.

Деньги? — Ван Ебо, выросший в достатке, плохо понимал такие вещи. — Сколько им нужно? Просто дай им, если деньги могут решить проблему, значит, она того стоит.

М-м, но некоторым дашь раз — они придут снова. Лучше сразу вырвать зло с корнем, чем превращать их в бездонную яму.

М-м, — Ван Ебо слушал вполуха, с Сяо Чжанем рядом он ни о чем не беспокоился. Утомившись от слёз, в тёплых объятиях Сяо Чжана он начал проваливаться в сон.

Только что болтал, а уже уснул? — Сяо Чжань посмотрел на Ван Ебо, вздохнул, натянул на него одеяло и, поглаживая по спине, стал размышлять, как решить все эти проблемы.

Час спустя Ван Ебо проснулся, сонно ощупывая место рядом — постель была ещё тёплой.

Куда он делся, только что встал? — Он медленно открыл глаза. На улице уже совсем стемнело, в комнате было тихо, но он отчетливо слышал звуки телевизора внизу и смех родителей.

Он шмыгнул носом, учуяв аромат еды, и живот непроизвольно заурчал.

Потянувшись, как кот, он сел на кровати — как же хорошо, он так любил эту простую, живую атмосферу.

Сяо Чжань!

Стоило ему позвать, как из ванной донесся шум воды.

Моешься? — Ван Ебо поднял бровь, не успев договорить, как Сяо Чжань крикнул из ванной: Малыш, принеси полотенце из второго шкафчика!

Столько мороки с этим купанием, — ворча, он встал и, взяв полотенце, направился к ванной.

Дверь была не заперта, Ван Ебо толкнул её и вошел.

Комнату окутывал пар, создавая в маленькой ванной плотную дымку.

Он подошел босиком, держа полотенце, как вдруг послышался плеск — Сяо Чжань внезапно вынырнул из воды. Его мокрые волосы были зачесаны назад, он опирался на край ванны, стирая воду с лица. Изящный, словно нефритовый принц, сейчас, с этой прической, он выглядел невероятно властным.

Его взгляд "фениксовых глаз" скользнул по нему, и сердце Ван Ебо дрогнуло. Сяо Чжань был как роза с шипами: зная, как он опасен, невозможно было не тянуться к его ослепительной красоте.

Вода стекала по его только что натренированным мышцам. Видя такую картину, Ван Ебо, у которого и так была слабая воля, сглотнул слюну.

Сяо Чжань, следя за его кадыком, улыбнулся, заметив, как Ван Ебо сглотнул.

Эта улыбка растопила лед, наполнив всё теплом.

Он поднял руку и поманил Ван Ебо пальцем — жест, который в любом другом случае показался бы грубым, в его исполнении выглядел невероятно соблазнительно.

Иди сюда, — едва слышно прошептал он, и Ван Ебо, находившийся в состоянии ступора, пробормотал: Обаятельный демон! — после чего, как зачарованный, подошел ближе.

Всплеск! Брызги разлетелись в разные стороны. Неизвестно, чьи глаза ослепило, но полотенце, которое он так крепко сжимал в руках, полетело в сторону, и в комнате воцарилась теплота, которую уже никто не мог потревожить.

Му Сяоци: На что смотрите? Разве это то, что вам положено видеть? Все марш обратно учить правила дома наизусть!

Канун Нового года.

Ебо, список номеров готов, твой номер в первой части, это хорошо, успеешь домой встретить Новый год. — Помощник режиссера Ван Хуэй протянул ему бутылку воды. Мальчик работал так усердно, и хотя все звезды на новогоднем концерте выкладывались по полной, из-за одинаковой фамилии он чувствовал особую симпатию к этому прохладному, но очень стойкому парню.

Спасибо, — Ван Ебо отмахнулся, принял от Лэдэ термос и сделал глоток. Он слишком долго танцевал, дыхание сбилось, надо было передохнуть.

Ван Хуэй не смутился. В такие моменты все были напряжены до предела, любая оплошность — и месяцы подготовки коту под хвост, осторожность была оправдана.

Хуэй-гэ, мне нужно ждать общего исполнения в конце? — отдышавшись, спросил Ван Ебо.

Можно остаться, можно уйти, но обычно звезды предпочитают дожидаться финала. Всё-таки шанс выступить на новогоднем концерте выпадает нечасто, финальный выход — последний шанс, никто не хочет его упускать.

Тогда я, пожалуй, пас, — Ван Ебо махнул рукой, взглянул на экран телефона и улыбнулся: Мои родные ждут меня дома, хочу встретить с ними новогодний ужин.

Ну, это тоже вариант, — Ван Хуэй ничуть не удивился. — Ты редко бываешь дома, в твоём возрасте скучать по родителям — это нормально. Когда я только начал работать, каждый день хотел домой. — Он почесал в затылке и смущенно добавил: Слушай, если после выступления будет время, не мог бы ты дать автограф? Моя дочь тебя очень любит.

Конечно, сейчас? — Ван Ебо собрался было пошарить в карманах, но вспомнил, что он не в обычной одежде, и виновато произнес: Ручки нет.

Ничего, ничего, — замахал руками Ван Хуэй, на его щетинистом лице проступил румянец. — Не спеши, дашь после выступления, так даже лучше.

Хорошо, просто напомни мне тогда, — Ван Ебо слегка улыбнулся. Ван Хуэй кивнул, думая про себя: Все говорят, что этот Ван Ебо холодный и лишнего слова не скажет, а сегодня оказался вполне дружелюбным.

Ван Ебо, впервые услышавший комплимент о своей доступности, уже попрощался с Ван Хуэем

и, взяв телефон, направился в уборную для видеозвонка с другим, ещё более доступным господином Сяо Чжанем.

А? Ты делаешь пельмени? — Ван Ебо сглотнул, глядя на полный стол еды в экране. — Сяо Чжань, ты такой жестокий! Я ради этого выступления только и делал, что пел и танцевал, несколько дней почти ничего не ел. Как ты можешь выставлять передо мной столько еды? А, я умираю с голоду, у тебя скоро мужа не будет!

Сяо Чжань улыбнулся в камеру, помахал рукой, и Сяо Ван, обнимая ребенка, радостно подбежал к нему: Босс Ван, глянь, мой сын милый? Похож на меня?

Похож, похож, отойди, я с братом говорю.

Эй, вот я вспыльчивый! Ван Ебо, я зову тебя боссом из вежливости, не забывай, у меня тоже есть доля в твоей студии. Мы как минимум партнеры, с сегодняшнего дня будь со мной повежливее, а то я в любую минуту выложу твои неудачные фото в сеть.

Ты, гад! Не надо было мне проявлять слабость и по совету брата отдавать тебе студию, надо было заставить тебя прислуживать мне всю жизнь!

Нет! Я теперь отец, — Сяо Ван был страшно горд и поднес ребенка к камере: Малыш, скажи привет брату!

Кто ему брат! С чего это я вдруг стал младше тебя? — Ван Ебо был в ярости. Он с таким трудом нашел время позвонить Чжань-гэ, а Сяо Ван всё время перетягивает внимание на своего сына.

К счастью, Сяо Чжань не выдержал, забрал ребенка у Сяо Вана, коснулся его носа и сказал: Не брат, а крестный отец, понял? Скажи крестный!

Ребенку было всего несколько месяцев, он ничего не понимал, лишь глядя на пальцы Сяо Чжана, инстинктивно схватил его за указательный палец и потянул в рот.

Ван Ебо всполошился и закричал в экран: Эй, эй, эй, что делает твой сын? Это что, домогательства? Разве можно сосать пальцы?! Эй, Сяо Чжань, имей совесть женатого мужчины, как ты можешь позволять незнакомому мужчине сосать твой палец? Отпусти, слышишь?

Сяо Ван ошарашенно развернул телефон на себя: Ван Ебо, моему сыну всего несколько месяцев, ты ревнуешь к младенцу? У тебя есть хоть капля гордости?

Какое мне дело до гордости! — Ван Ебо фыркнул. Он увидел, как Сяо Чжань осторожно передал ребенка Сяо Лу, и его лицо смягчилось. Он откашлялся и серьезно спросил: Сяо Чжань, ты... пельмени лепишь?

М-м, с говядиной и кинзой, твои любимые. — Он быстро слепил пельмень в форме слитка и показал ему: Сам начинку делал, очень вкусно.

Ван Ебо сглотнул, даже во рту почувствовал вкус пельменей.

А, я уже голоден от одного вида, ты такой жестокий...

Сяо Чжань рассмеялся, глядя на то, как он глотает слюнки, и указал на свои руки: Не волнуйся, тебе оставлено 1, 2, 3...

Эй, эй, чего ты считаешь? Мне нужно 20, нет, минимум 30! — Ван Ебо испугался, что ему достанется мало, и поднял руки.

Хорошо-хорошо, сколько хочешь, столько будет, — он переключил камеру на маму Сяо и маму Ван: Видишь, сегодня у меня полно помощников, ешь сколько влезет!

Все засмеялись, услышав это. Мама Сяо взяла тарелку и улыбнулась в камеру: Бобо, выступай хорошо, мама будет ждать перед телевизором, чтобы вместе вернуться домой и поесть пельменей.

Хорошо, мам, я обязательно вернусь пораньше.

Не спеши, потом пусть А-Чжань приедет за тобой.

Ван Ебо задрал нос и гордо сказал Сяо Чжаню: Слышал? Мама сказала тебе приехать за мной!

Не приеду, у тебя теперь есть Лэдэ и Янь Янь, если я приеду, кто будет лепить пельмени?

Не успел он закончить, как в лоб Сяо Чжана прилетел комок муки: Что ты понимаешь, раз сказали ехать — значит едь, праздник же, чего ты такой тяжелый на подъем?

Ван Ебо рассмеялся, глядя на мучное пятно на лбу Сяо Чжана. Сяо Чжань беспомощно показал ему язык: Видишь, вот что бывает, когда появилась жена — сын сразу стал не нужен!

Кто твоя жена? Я твой муж!

Тогда я твоя жена? Видел хоть одну жену, которая выше мужа?

А! Сяо Чжань, ты опять насмехаешься над моим ростом! Извиняйся!

Сяо Чжань театрально прикрыл рот: Я виноват!

Ещё раз!

Я виноват! Для меня малыш минимум два метра!

То-то же.

<http://bllate.org/book/21164/2144612>